

ИЗ ЖИЗНИ СМОЛЕНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 1960–1970-Х ГОДОВ (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ ПРОФЕССОРОВ ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА СГПИ)

О «своём круге»

В первой половине 1960-х годов на историко-филологический факультет и факультет иностранных языков Смоленского пединститута прибыла целая плеяда новых преподавателей, молодых и талантливых. Многие из них были направлены Министерством просвещения РСФСР, среди них были В. С. Баевский и Э. М. Береговская, 11 лет проработавшие в школе шахтёрского поселка на Донбассе. После Ленинградской аспирантуры на иняз был направлен Г. Г. Сильницкий.

На инязе сразу сложился дружеский триумvirат: Георгий Георгиевич Сильницкий — Николай Дмитриевич Трегубов — Евгений Фёдорович Воронов; все трое — из эмигрантских семей: Сильницкий родился в Шанхае, Трегубов какое-то время учился в Сорбонне, а его отец в Париже работал в одной мастерской с известным анархистом Махно, а детские годы Воронова прошли в Харбине, где его отец занимал ответственный пост в КВЖД. Вскоре это эмигрантское сообщество пополнилось преподавателем французского языка Борисом Михайловичем Масисом (из недавно присоединённой к стране Молдовы) и преподавателем немецкого Густавом Анжеловичем Гальпериным, окончившим Венский университет. Все перечисленные лица владели не одним западноевропейским языком и соответствующим культурологическим наследием. Добавим, что неэмигранты Береговская и Баевский тоже владели несколькими языками. Эда Моисеевна, будучи специалистом по французскому языку, в школе преподавала немецкий. Был случай, когда при поступлении её учеников в Донецкий университет экзаменаторы не хотели верить, что абитуриенты учились в Донбассе в школе шахтёрского поселка, а не в Германии. Баевский с первого года работы в шахтёрском поселке записался на заочные московские курсы французского языка и освоил его так, что, сдавая в Киевском университете кандидатский экзамен, свободно беседовал с экзаменатором, обрисовывая систему времён французского глагола и

читая вслух предложенный французский роман без подготовки, с листа. В 1960-е годы, когда он начал систематически знакомиться с иностранной научной литературой, английский язык не господствовал так безраздельно, как сейчас. В сборниках трудов международных научных конференций тексты докладов печатались по большей части на родном языке автора. Встречая нужную статью на итальянском, венгерском, каком-нибудь славянском или скандинавском языке, он храбро брал грамматику и словарь и пытался разобраться. Иногда ему это удавалось, иногда трудности оказывались непреодолимыми. В итоге научную литературу по-сербо-хорватски, по-чешски, по-польски, по-белорусски он уверенно читал. С увлечением прочёл на итальянском языке сенсационную книгу Серены Витале “Il bottone di Puškin”.

Наверное, в середине 1960-х – в 1970-е годы в Советском Союзе не много нашлось бы провинциальных вузов, где одновременно работало бы такое количество бывших эмигрантов с разных концов света и такое количество высокообразованных людей.

О науке

Так сложилось, что кандидатская диссертация Сильницкого 1965 года и докторские диссертации Баевского и Береговской 1975 и 1979 года соответственно были защищены только со второго раза. Виной тому — их новаторский характер. Общая оценка кандидатской диссертации Сильницкого свелась к реплике «Смелость мысли, граничащая с авантюризмом»¹. Соискателю с первого раза не удалось убедительно методологически обосновать правомерность выделения понятия «семантических типов предложения». Автор разработал универсальную двустороннюю информационную модель, возникающую между субъектом и внешним миром и имеющую два уровня — поверхностный и глубинный. Его мысль заключалась в том, что она применима к описанию не только когнитивных структур (научных, философских, языковых), но и разных видов искусства, культуры в целом.

Докторская диссертация Баевского «Типология стиха русской лирической поэзии» была написана без докторантуры и посвящена стиховедению. А в 1970-е годы изучение стихотворной речи, на зарплате и добровольное, на языке идеологии называлось формализмом. Слово «формализм» было значительно хуже матерного ругательства. А сам по себе формализм почти что приравнивался к государственной измене. В СССР это была первая докторская диссертация о стихотворной речи 20 замечательных поэтов середины XX века. И это была первая

¹ Сильницкий Г.Г. Осмысление прошлого. Четыре витка одной жизни. Смоленск: Свиток, 2018. С. 151.

в СССР диссертация и одна из первых в мире, в которой были использованы точные методы математической статистики, теории вероятности. Оппонентами выступили Ю. М. Лотман, Б. Ф. Егоров и тартуский лингвист-семиотик Борис Михайлович Гаспаров (сейчас он профессор Колумбийского университета в Нью-Йорке). Но организовать защиту долгое время ни в Тарту, ни в Ленинграде, где работал Егоров, не удавалось. Тогда попыталась помочь и организовать защиту у себя Марина Абрамовна Краснопёрова, смелая исследовательница стихотворной речи, работающая на математическом факультете Петербургского университета. Это уже был жест отчаяния. В конце концов защита состоялась всё-таки в Тартуском университете и прошла благополучно.

Деталь: накануне защиты Баевский хотел послать оттиски своих ключевых статей иностранным учёным. Его заставили писать ректору, объяснять, зачем это нужно, и просить разрешения. Баевский не стал.

После защиты диссертации предстояло пройти ВАК. Обычно это чистая формальность. Диссертацию Баевского отправили на отзыв одному из специалистов по теории литературы, занимавшему ключевое место в советской науке о литературе, лютому научному врагу и гонителю Лотмана, и он дал уничтожающий отзыв.

ВАК оказался на высоте. Диссертация была отправлена на новый отзыв — академику Колмогорову. Единственному, кто до Баевского применил математическую статистику в исследовании стихотворной речи, и непререкаемому авторитету. Что же в отзыве? «Существенную роль играет в диссертации статистический метод. Никогда ещё в стиховедении не проводилось статистического обследования большого материала по столь большому числу признаков. Удачей автора является широкое применение ранговой корреляции между признаками. Привлечённые автором диссертации средства математической статистики элементарны. Но многие выводы статистического анализа поддаются содержательной интерпретации и представляются мне весьма интересными»¹.

В. С. Баевский показал, что существует корреляция между уровнем стихотворной речи и более высокими уровнями — поэтической речи, жанрового единства, значений и смыслов, даже бытового и жизненного поведения.

Повторную защиту назначили в 1976 году в президиуме ВАКа, куда Баевского сопровождала жена; она осталась ждать его в приемной. «Вхожу — и боюсь себе поверить: все улыбаются, обстановка явно доброжелательная. Оказывается, тут строгая субординация: Колмогоров с его почти сверхъестественной одарённостью и миро-

¹ *Баевский В. С. Роман одной жизни. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 143–144.*

вым авторитетом своим отзывом перебивает предыдущий неблагоприятный отзыв. Минут через пятнадцать я выхожу к жене доктором филологических наук»¹.

Он не знал тогда, что через несколько лет, когда докторскую диссертацию будет защищать Эда Моисеевна, ВАК назначит ей повторную защиту, и уже он будет выступать в роли группы поддержки.

По совету Ефима Григорьевича Эткинды Эда Моисеевна стала работать над докторской диссертацией, посвящённой проникновению социальных диалектов французского языка во французскую художественную прозу 1960–1970-х годов. Докторскую диссертацию «Язык художественной литературы и социальный диалект» Э. М. Береговская защитила в 1979 году в специализированном совете Института языкознания АН СССР, председателем которого был директор института академик Г. В. Степанов. В качестве официальных оппонентов были приглашены академик Д. С. Лихачёв, В. Г. Гак и Р. Г. Пиотровский. Ведущей организацией был определён МГУ, где кафедру возглавлял член-корреспондент АН СССР Р. А. Будагов. Не все знают, что Д. С. Лихачёв при окончании университета защитил два диплома: по романо-германской филологии и по славяно-русской филологии. А во время ареста и ссылки на Соловках на собственной судьбе зека он познакомился с социальными диалектами, которым после освобождения посвятил ряд работ.

Несмотря на высокую оценку, которую диссертация получила у всех участников защиты, нашлись силы, которые на стадии утверждения результатов защиты ВАКом ожесточённо боролись против присуждения Э. М. Береговской докторской степени. Говорили, что в эпоху развитого социализма Береговская учит советских студентов ругаться по-французски, ставили в упрёк, что по объёму своему диссертация превосходит рекомендованные ВАКом границы. Д. С. Лихачёву и Г. В. Степанову пришлось опереться на весь свой авторитет, чтобы добиться справедливого завершения дела. В частности, Лихачёв обратился к В. Г. Кириллову-Угрюмову, главе ВАКа, с письмом, в котором заявил, что, если ВАК не утвердит диссертацию Береговской, он, Лихачёв, прекратит любые формы сотрудничества с ВАКом. Причём сделал он это не по просьбе Эды Моисеевны или кого-либо из её заступников. Он узнал о ситуации от кого-то другого и так близко принял это к сердцу². Только в 1982 году ВАК присвоил Э. М. Береговской учёную степень доктора филологических наук.

¹ Там же. С. 145.

² Из письма В. С. Баевского Б. Ф. Егорову от 11.07.2001. Личный архив В. С. Баевского.

О студентах

В дневнике Баевского находим такую запись:

«В лекции по логике (первый курс исторического факультета) я говорю о сравнении как приёме, заменяющем определение понятия. Привожу пример: Очень трудно определить, что такое совесть. Но я могу сказать: “Совесть — это как компас, который есть в каждом из нас и указывает, когда мы поступаем правильно, а когда отклоняемся от правильного курса”. Студент поднимает руку: “А я могу дать определение совести”. — “Пожалуйста”. — “Совесть — это эмоционально пережитое отношение человека к своим поступкам”. Я сделал только одно дополнение — отношение, оцениваемое по шкале “хорошо / плохо”. Дома посмотрел в энциклопедии и словари. Там формулировки значительно хуже: метафорическое (“внутреннее отношение”) и без учета эмоционального фактора, т. е. основного. Какое счастье работать со студентами!»¹

О духовной жизни

Досуг учёных часто составляли шахматные партии и общение с художниками. Замечательная смоленская художница Н. И. Агеева в 1974 году выполнила серию живописных портретов Баевского. По поводу одного из них в дневнике учёного находим запись: «Вчера у Нины видел свой портрет. Говорю: он потому кажется мне глубоким, что есть мысль о Вечности. А я много думаю о Боге. И тут Нина с несвойственной ей живостью показывает мне два этюда этой картины, где в правом верхнем углу — Распятие. Потом она его убрала, опасаясь, что это сама привнесла, от себя, и что получается слишком литературно. Но идея эта»².

¹ Личный архив В. С. Баевского.

² Личный архив В. С. Баевского.

УДК 8/9(082)
ББК 63я431+80я431
С48

**Русская экспертная школа
Смоленский государственный университет
Всемирный русский народный собор**

С48 Словесно-исторические научные чтения им. Т. Н. Щипковой. Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности : Сборник научных статей / Под ред. А. В. Щипкова. — Москва : Русская экспертная школа, 2020. — 144 с.

ISBN 978-5-6041154-4-2

Сборник представляет читателям научные статьи, которые подготовлены на основе тезисов, прозвучавших 17 февраля 2020 года в Смоленском государственном университете в рамках первых Словесно-исторических научных чтений «Гуманитарные науки и отечественное образование. История, преемственность и ценности». Это мероприятие было посвящено 90-летию со дня рождения Татьяны Николаевны Щипковой (1930–2009) — православной исповедницы веры, филолога и преподавателя факультета иностранных языков Смоленского педагогического института им. К. Маркса (в настоящее время — Смоленский государственный университет) в период с 1961 по 1978 год.

Контакты:
www.russian-expert.ru
mail@russian-expert.ru

Гравюра на обложке:
Смоленск. Собор, гимназия и Дмитровские ворота
(Рисов. на дер. Н. И. Соколов, грав. К. Вейерман)

ISBN 978-5-6041154-4-2

© Щипков В. А., 2020
© Русская экспертная школа, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Артеменков М. Н.</i> Приветственное слово. Преемственность поколений и ценностей в истории Смоленского государственного университета	5
<i>Исидор, митрополит Смоленский и Дорогобужский</i> Приветственное слово. Конференция памяти Т. Н. Щипковой	7
<i>Щипков А. В.</i> Приветственное слово. Жизненный путь Т. Н. Щипковой в контексте религиозной жизни в СССР	8
<i>Аристархов В. В.</i> О концепции культурно-образовательной политики	17
<i>Щипкова Л. В.</i> Т. Н. Щипкова и ленинградская грамматическая школа романистики	20
<i>Каиль М. В.</i> Отцы-основатели и рождение «советского университета» в Смоленске	27
<i>Перевезенцев С. В.</i> Историческое сознание: опыт типологизации	32
<i>Козлов Ю. В.</i> Литературный процесс и евангельские тексты	46
<i>Щипков В. А.</i> Постсекулярный поворот в современной гуманитарной науке	51
<i>Ковалёва В. С.</i> Традиции и сегодняшний день филологического факультета СГПИ — СГПУ — СмолГУ	55
<i>Гронский А. Д.</i> «Свои» и «не свои» войны в белорусском идеологическом дискурсе	59
<i>Власова Ю. Н.</i> Из истории кафедры французского языка СмолГУ	69

<i>Шевченко К. В.</i> Языковые и образовательные аспекты этнокультурной инженерии в Восточной Галиции в XIX — начале XX века	72
<i>Терещенкова А. А.</i> Мои учителя	92
<i>Павлова Л. В.</i> О чём говорят протоколы заседаний смоленских писателей 1970-х годов	95
<i>Романова И. В.</i> Из жизни смоленской интеллигенции 1960–1970-х годов (по воспо- минаниям профессоров филологического факультета СГПИ)	101
<i>Левшун Л. В.</i> «Аберрации адекватности» в современных учебных программах по гуманитарным дисциплинам	106
<i>Белютин Р. В., Баруздина С. А.</i> Международные научно-образовательные связи кафедры немецкого языка СмолГУ	117
<i>Бендин А. Ю.</i> Польское восстание 1863 года и национально-патриотическое пробуждение русского народа	120
<i>Щипков Н. А.</i> Политические репрессии в США в середине XX века: опыт сравнения инструментов политического давления в странах демократического и коммунистического блоков	132
<i>Матвеенков Д. В.</i> Ты — наша гордость! Иняз СГПИ, 1970–1990-е годы	137